

НАТО В НАЧАЛЕ 2020-х

МНОГОСТОРОННИЕ ВОЕННЫЕ ГРУППИРОВКИ В ЗОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АЛЬЯНСА

ФИЛИПП ТРУНОВ

ИНИОН РАН, Москва, Россия

Резюме

Военно-стратегическое усиление НАТО приобретает всё больший масштаб и значение в условиях противоборства евроатлантического сообщества с Россией, а также США и группы их партнёров с КНР. Статья представляет собой попытку исследовать процесс наращивания потенциала Альянса, сфокусировавшись на эволюции его войсковых группировок, особенно многосторонних. Методологическая основа исследования — теория строительства вооружённых сил. Она рассматривает их в качестве постоянно эволюционирующей сущности. Органично сочетая индукцию и дедукцию, данная теория способна дать ответ на ряд значимых вопросов в условиях споров о больших теориях и кризиса прогнозирования миропорядка. На примере Альянса показана трансформация принципа мультилатерализма — от неподвижного к продвинутому — в деле создания войсковых механизмов совместного комплектования государствами-членами. Рассматривается изменение степени интегрированности «военных машин» европейских континентальных стран-участниц в НАТО, восприятие этого США. Эти процессы изучаются в контексте разворота деятельности Альянса — возвращения к сдерживанию ведущих незападных оппонентов (России, также КНР) как основной задаче, в то время как борьба с реально сохраняющимися угрозами нестабильности отодвигается на второй план. Детально раскрываются особенности и промежуточные результаты наращивания сил быстрого реагирования, создания системы сил передового развёртывания. Показано, что решения Мадридского саммита НАТО 2022 г. нацелены не только на заметное увеличение её потенциала, но и предельное интегрирование всех видов группировок в единое целое. В статье демонстрируется, что специальная военная операция Российской Федерации на Украине стала поводом, но не причиной для реализации ранее подготовленного комплекса мер по повышению военной мощи Альянса.

Ключевые слова:

НАТО; теория строительства вооружённых сил; мультилатерализм; западные державы; силы быстрого реагирования; силы передового развёртывания; сдерживание; Россия; КНР.

Поступательное укрепление НАТО — в аналитических разрезах расширения состава, наращивания многостороннего

войскового потенциала¹, размещения дополнительных сил (даже кратковременно²) или обновления носителей ядерного ору-

¹ См., например: Шойгу заявил о росте численности войск НАТО у границ России в 2,5 раза. 02.11.2022. Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2022/11/02/nato_evropa/ (дата обращения: 07.11.2022).

² Стратегическая подлодка США зашла в Средиземное море. 02.11.2022. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/870739> (дата обращения: 07.11.2022).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.11.2022

Дата принятия к публикации: 08.02.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: 1trunov@mail.ru

жия в Европе³ — не только чувствительный раздражитель в отношениях России и Запада, но и элемент формирования инфраструктуры миропорядка. Проявившийся в трудности определения его будущего облика кризис прогнозирования хронологически и отчасти по своей причинности совпал со спором о целесообразности «больших теорий» [Торкунов 2019]. Вместе с тем в современных условиях сохраняются дееспособные объяснительные схемы, одна из которых — теория строительства вооружённых сил (ВС).

Она органично сочетает методы индукции (обобщение в виде тенденций черт развития ВС в прошлом и настоящем) и дедукции (определяемые на основе уже выявленных закономерностей требования к организационно-штатной структуре ВС, их конкретным видам и родам, особенности оснащения, подготовки и использования) [Пронько 2000; Останков 2004].

Серьёзный аргумент критики при обращении к данной теории — неправомерность, даже опасность постановки военной области над политической сферой. Превалирование последней над первой подтверждено многовековой практикой. Вместе с тем автор не рассматривает теорию строительства вооружённых сил как универсальную. Пределы её предметного использования ограничены. Её преимущество состоит в способности выявить на основе фактов, часто имеющих количественное выражение, закономерности, подтверждающие направленность политических решений. В частности, обращение к ней востребовано при изучении НАТО.

Альянс со времён биполярности выступал выразителем *совместной* военной мощи Запада, но находившийся в его распоряжении инструментарий эволюционировал в 1990-х — 2010-х годах. Автор исходит из того, что развитие войсковых механизмов

НАТО, их наращивание, изменение схемы комплектования выступают важными индикаторами трансформации взаимоотношений внутри евроатлантического сообщества. Практические возможности «военных машин» государств-членов Альянса далеко не одинаковы. В этой связи значимы не только абсолютные, но и относительные показатели — удельный вес предоставляемых контингентов в составе многосторонних группировок НАТО, частотность принятия функций «рамочного государства»⁴.

Из обширного корпуса работ, посвящённых различным аспектам развития НАТО, следует выделить четыре группы публикаций, значимых для данного исследования. В *первую* вошли статьи, посвящённые ходу и перспективам эволюции Альянса. Здесь следует отметить работы А.А. Бартоша [Бартош 2020] и группы специалистов под руководством И.А. Истомина. Последние, а также К. Майор [Major 2019: 38–39] в реалиях рубежа 2010-х — 2020-х годов дали полисценарную оценку перспектив для НАТО: восстановления её роли как «международного полицейского», роста вовлечённости в двойное сдерживание России, то есть с участием как США, так и европейских государств-членов [Истомин, Болгова, Сушенцов, Ребро 2020: 31–32].

Данные авторы, так же как и Т.В. Арзаманова, Д. Фиот, В. Шевчук [Арзаманова 2020: 28–40; Fiott 2020; Szewczyk 2019], отмечали стремление ряда союзников Вашингтона (в первую очередь крупнейших — Берлина и Парижа) к увеличению своего веса в НАТО в увязке с наделением Европейского Союза «стратегической автономией». Достаточно близко к определению соотношения полей функционала Альянса и ЕС подошли А.С. Сидоров и В.Н. Чернега [Сидоров 2020: 139–145; Чернега 2020: 118–131], но выявили его в основ-

³ U.S. speeds up plans to store upgraded nukes in Europe. 27.10.2022. *Politico*. URL: <https://www.politico.com/news/2022/10/26/u-s-plans-upgraded-nukes-europe-00063675> (дата обращения: 07.11.2022).

⁴ Под «рамочным государством» («рамочной нацией») для многосторонней группировки понимается страна, предоставившая не менее трети от всех сил, средств и осуществляющая общее руководство такой группировкой.

ном применительно к Франции. Общим недостатком публикаций первой группы оставалось отсутствие детальной оценки той ресурсной базы, в частности военной, которая требовалась при реализации различных сценариев эволюции НАТО.

Тем более не предпринималось попыток следования от обратного: оценить ключевые элементы целеполагания Альянса исходя из особенностей его военно-инструментальной базы. Применительно к решениям Мадридского саммита Альянса эта задача была решена в работе К. Майор и С. Свистека [Major, Swistek 2022: 2–8]. Указанный пробел наблюдался и в трудах авторов, изучавших глобализацию деятельности НАТО [Штоль 2015: 6–19] и расширение сферы её компетенций в свете закрепления ответственности в космосе, киберпространстве, в борьбе с экологическими вызовами [Данилов 2021: 23–30].

Вторая группа — это работы, непосредственно изучавшие вопросы трансформации конкретных группировок НАТО. Применительно к начальному этапу конфронтации Запада и России это сделал А.И. Никитин, отразив направляющую роль США в 2014–2015 годах в создании системы военного присутствия под эгидой Альянса в Восточной Европе [Никитин 2016: 7–10]. Эта работа не прекращалась и в дальнейшем силами других исследователей [Зайцев, Зайцева 2020], но по состоянию на начало 2020-х годов достигла достаточно ограниченных результатов. Так и не было предложено комплексного описания группировок НАТО в Европе, особенно с учётом изменений их состава и характера до и вскоре после начала специальной военной операции Российской Федерации.

Третья группа — публикации, освещающие характерные черты развития иных форматов с ведущим участием стран Запада в сфере безопасности и обороны. Чем интересны эти механизмы? Не только тем, что в качестве ориентира имеют Североатлантический альянс, но и тем, что позволяют понять, каковы возможные пути соответствующего движения самой НАТО. Здесь большой теоретический задел был создан

в контексте теории альянсов [Истомин 2017: 95–106], а практический — в первую очередь применительно к форматам в Индо-Тихоокеанском регионе в целом [Васильев 2022: 235–255; Никитин 2022].

Наконец, *четвёртая группа* — публикации, освещающие использование сил НАТО в ряде значимых регионов и субрегионов — в Прибалтике [Воротников 2019], Западных Балканах [Энтина 2018: 195–204], на восточных рубежах Турции [Шлыков 2021]. Сюда же следует отнести и работы, сфокусированные на настоящем и будущем расширения Североатлантического альянса [Eichler 2021; Sayle 2019]. Эти публикации облегчили понимание политико-идеологического фона для развёртывания военного присутствия НАТО в переходной части её зоны ответственности. Вместе с тем и в них процесс совершенствования военно-инструментальной базы Альянса изучался скорее по касательной.

Задача данной статьи — оценить направленность эволюции Организации Североатлантического договора по состоянию на начало 2020-х годов с фокусом на развитие войсковых единиц в её подчинении. Подавляющее большинство войсковых единиц, которые ранее учреждались и ныне функционируют под эгидой НАТО, являются многосторонними (многонациональными). Применение в строительстве вооружённых сил принципа мультилатерализма — едва ли не ключевая константа в системе ценностей евроатлантического сообщества.

Гипотеза исследования. В отношениях с союзниками долгосрочная цель США — увеличение степени интегрированности ВС европейских стран-участниц НАТО. При этом Вашингтон стремится к гибкой вовлечённости в комплектование многосторонних сил, сохраняя подавляющую часть собственных войск в Европе под национальным командованием. В этом проявляется стремление Соединённых Штатов сохранить ведущие позиции в евроатлантическом сообществе.

Интенсивное наращивание численности группировок НАТО при относительно мед-

ленным увеличении национальных ВС стран-участниц в совокупности с предшествующими масштабными сокращениями с 1990-х по начало 2010-х годов требует от европейских государств нетривиальных решений. Как результат, они стремятся к более гибкой вовлечённости в развёртывание совместных сил с опорой на ротационный принцип комплектования. Де-факто это означает, что то или иное подразделение, часть, соединение передаются под командование НАТО временно, и временной интервал чётко определён. Это позволяет впоследствии использовать данную войсковую единицу на других направлениях (в частности, вне зоны ответственности Альянса⁵), а главное — под другой эгидой (например, ЕС, ООН или национальным управлением).

Первая часть статьи содержит авторскую классификацию мультилатерализма в исследуемой области (на продвинутый и непродвинутый), а также раскрывает особенности эволюции многосторонних сил НАТО с предшествующей «холодной войны» до начала 2020-х годов. Второй раздел — изучение смены приоритетов в деятельности блока, задающее рамочные условия для определения состава основных типов группировок Альянса. Непосредственно эволюция этих военных механизмов — сил быстрого реагирования, передового развёртывания — рассмотрена в двух завершающих частях статьи.

НАТО: новое качество мультилатерализма в военной области

Обеспечение многосторонности (обозначаемой также как мультилатерализм) традиционно рассматривается как один из ключевых принципов либеральной демократии [Maul 2020: 1–2; Арзаманова, 2020]. Соответственно, логичны были попытки её внедрения при создании совместных военных механизмов с первых лет существования НАТО. Тем не менее на протяжении

1950-х — 1980-х годов мультилатерализм в данной области оставался **непродвинутым**. Под таковым в статье понимается степень интегрирования, то есть взаимопроникновения национальных вооружённых сил, лишь на самых высоких (от корпуса — армии, группы армий) уровнях. Продвинутый мультилатерализм, напротив, предполагает создание совместных войсковых единиц уровней дивизии и ниже — вплоть до взвода и отделения.

Иллюстративен пример крупнейшей группировки НАТО на территории ФРГ — в осевой части зоны первого стратегического эшелона. Совместные силы состояли из корпусов, дивизий, бригад, мелких подразделений; каждая из этих единиц была укомплектована исключительно гражданами одной страны-участницы Альянса (самой ФРГ, США, Великобритании, Франции, Канады, государств Бенилюкса) [Fleckenstein 1990: 2]. Элементом обеспечения межстранового сотрудничества по линии ВС являлись малочисленные миссии связи одной страны-участницы, прикреплённые к силам другой, а также объединённые штабы.

В 1990-х годах на территории ФРГ в условиях вывода значительной части зарубежных контингентов осуществлялось создание ряда дву- и трёхсторонних корпусов. Вместе с тем они состояли из односторонних войсковых единиц (то есть вновь только штабы были совместного комплектования). Исключение составляли два случая: франко-германская бригада (с 1989) и германо-нидерландский корпус (с 1995). Последний изначально задумывался как воплощение **продвинутого** мультилатерализма в строительстве ВС⁶.

Тем не менее в полной мере он стал соответствовать этой концепции только в середине 2010-х годов. Завершению длительного процесса способствовали конфронтация России и Запада, а также складывание малого тандема Берлина и Амстер-

⁵ Под зоной ответственности НАТО понимается сухопутная территория и территориальные воды (в случае наличия) стран-участниц, входящих в Альянс в рассматриваемый момент.

⁶ *Armee der Einheit 1990–2000*. Bonn: BMVg, 2000. S. 34–39.

дама. Двусоставность была достигнута на уровне корпуса, дивизии (включение в дивизию бундсвера бригады нидерландских войск)⁷, бригады (передача в состав соответствующего соединения уже королевских войск германского батальона)⁸. В то же время германо-нидерландский корпус был интегрирован в Альянс лишь *условно*: во второй половине 2010-х годов его войска использовались не только по линии НАТО, но также ЕС и ООН⁹.

Прецедентным механизмом продвинутого мультилатерализма в рамках НАТО стали силы быстрого реагирования (СБР; *NATO Response Force, NRF*). Их создание инициировали США в 2002 году. В СБР администрация Дж. Буша-младшего изначально видела инструмент обеспечения поддержки европейскими союзниками своих действий вне зоны ответственности НАТО [Varwick 2007: 775]. Они должны были стать институционализированным механизмом «неограниченной трансатлантической солидарности», которую декларировал ряд стран–участниц НАТО (в том числе Германия) после террористических актов 11 сентября 2001 г. Вместе с тем подход США встретил сопротивление со стороны ФРГ и других западноевропейских стран. Они стремились ограничить использование СБР зоной ответственности НАТО.

Наиболее явно оппозиция проявилась в готовности германо-французского тандема блокировать задействование механизмов Альянса, в случае если бы США и Великобритания решили к ним обратиться при подготовке и проведении кампании против Ирака (2003). Данная позиция вызвала глубокий спад в трансатлантических отношениях, в том числе в диалоге США–ФРГ. Для преодоления кризиса до-

верия в июне 2003 г. было решено учредить многосторонние СБР штатной численностью 15 тысяч военных (эквивалент межвидовой дивизии) [Varwick 2007: 775]. Был определён *ротационный* характер комплектования сил, их использование в пределах зоны ответственности¹⁰. Тем самым была впервые выработана компромиссная схема: европейские союзники демонстрировали трансатлантическую солидарность, поддержав создание механизма, но оставляли за собой выбор форм его функционирования и географии использования.

Параллельно, с 2004 года, в Восточной Европе появились морские и военно-воздушная многосторонние группировки, представляя собой первые элементы сил передового развёртывания (СПР; *NATO Forward Presence Force, FPF*). Таким образом, были заложены основы перспективной архитектуры многосторонних группировок НАТО: это дихотомия СПР – СБР. Первый компонент развёртывался в новой (выдвинутой резко на восток) передовой зоне ответственности НАТО, возникшей в результате расширений с 1999 г. СБР обычно располагались в глубине (в том числе в бывшей передовой зоне на территории ФРГ), по мере необходимости выдвигаясь к общим внешним границам стран–участниц НАТО. Тем самым СПР представляли первый стратегический эшелон сил Альянса, а СБР – второй.

С точки зрения соотношения боевых возможностей СПР представляли собой постепенно усиливаемые авангарды, а СБР – главные силы многостороннего потенциала НАТО. Отладка схемы комплектования и функционирования последних была признана завершённой на Рижском саммите Альянса в 2006 году, на котором США также поставили вопрос увели-

⁷ 1. Panzerdivision. 2022. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (дата обращения: 07.11.2022).

⁸ 43. Mechanisierte Brigade. 2022. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision/43-mechanisierte-brigade> (дата обращения: 07.11.2022).

⁹ См.: 1. Deutsch-Niederländisches Korps. 10.10.2019. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/personal/i-deutsch-niederlaendisches-korps-95664> (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁰ NATO Response Force. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (дата обращения: 07.11.2022).

чения военных ассигнований европейских союзников. Выбор времени был неслучаен. Сокращения военных расходов и предшествующее (с 1990-х) снижение уровня интегрированности ВС были двумя тесно связанными составляющими единой тенденции, которая вызвала растущую обеспокоенность Вашингтона. Среди прочего они подрывали заинтересованность в сохранении стратегического присутствия самих США в Европе. Как минимум однажды — в речи Г. Шрёдера на Мюнхенской конференции 2005 г. — было открыто поставлен вопрос о выводе американских войск¹¹.

Как следствие, в середине 2000-х годов был запущен компромиссный, то есть учитывавший интересы США и европейских союзников (особенно «старых» — входивших в НАТО до 1990 года), процесс качественно новой интегрированности их ВС в Альянс. Одновременно была подготовлена основа на случай возвращения НАТО к сдерживанию угроз вдоль границ зоны ответственности. С одной стороны, европейские страны-участницы взяли обязательства по комплектованию многосторонних войсковых сил НАТО, а США почти не принимали участия в ротационном развёртывании СБР, но их контингенты в Европе активно использовались для тактического взаимодействия с данными силами. С другой — показательны масштаб и особенно форма обязательств — ротационный характер, то есть освобождение от ответственности за комплектование на несколько лет. Это обеспечивало гибкость в использовании национальных «военных машин», диверсифицируя спектр направлений их применения.

Ещё одна важнейшая черта многосторонних группировок НАТО — приложение на практике принципа продвинутого мультилатерализма в строительстве ВС. Оно

было обусловлено политической волей руководства большинства государств либеральной демократии, но одновременно выступало и вынужденным решением в условиях растущей разницы между спектром задач для ВС и ограниченным числом боеспособных войсковых единиц. Почти четверть века с 1990-х по начало 2010-х годов «военные машины» государств евроатлантического сообщества переживали волны сокращений. Например, бундесвер образца 1989 г. имел в сухопутных войсках 36 бригад (до 360 тысяч военнослужащих), а в 2014 г. — 7,5 бригады (около 60 тысяч солдат и офицеров)¹², сократилась и средняя численность одной бригады. При этом ранее использование военного потенциала было ограничено границами ФРГ, а в начале XXI века всё более приобретало глобальный характер. Следствием схожих тенденций в других странах-участницах НАТО стало сокращение штатной численности СБР в начале 2010-х годов с 15 до 13 тысяч солдат и офицеров [Никитин 2016: 7–8].

Обострение противоречий евроатлантического сообщества с Россией создало удобный повод для перехода к восстановительному наращиванию численности личного состава, единиц вооружений и военной техники (ВиВТ), финансирования ВС стран-участниц НАТО в тот момент, когда дальнейшие сокращения были чреваты пробиванием дна боеспособности. При этом наращивание многосторонних группировок Альянса стало по скорости **заметно опережать** увеличение мощи национальных ВС. Данная разница отражала первоочередное фокусирование на противодействии Москве в увязке с выражением трансатлантической солидарности по линии блока. Причём европеизация деятельности НАТО в смысле резкого увеличения объёма активности соответствующих

¹¹ Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik, 12.02.2005. AG-Friedensforschung. URL: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (дата обращения: 07.11.2022).

¹² Weißbuch 1985 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985. S. 195; данные сайта Министерства обороны ФРГ <https://www.bundeswehr.de>

Таблица 1
Динамика численности личного состава крупных ВС стран–участниц НАТО, тыс. военных в 2014–2022 годах

Страна/год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Великобритания	168,7	141,4	139,5	149,4	146,6	144,0	147,3	156,2	156,2
Греция	107,3	104,4	106,0	106,9	109,2	102,5	106,6	110,4	111,4
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	184,8	188,5
Испания	121,8	121,6	121,0	117,7	117,4	117,0	118,7	118,7	118,2
Италия	183,5	178,4	176,3	174,6	174,1	176,4	173,4	171,5	174,8
Польша	99,0	98,9	101,6	105,3	109,5	113,1	116,2	121,0	122,5
США	1 338,2	1 314,1	1 301,4	1 305,9	1 317,4	1 329,2	1 346,7	1 348,4	1 346,4
Турция	426,6	384,3	359,3	416,7	444,3	441,8	433,0	439,1	446,9
Франция	207,0	204,8	208,1	208,2	208,2	207,8	207,6	207,5	207,1
НАТО без США	1891	1811	1788	1857	1893	1883	1896	1922	1960
НАТО в целом	3229	3125	3090	3163	3210	3212	3242	3270	3307

Примечание: на 2021 и 2022 годы представлены предварительные данные.

Источник: составлено автором на основе: Defence expenditure of NATO countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2022. P. 12.

стран-участниц отвечало интересам США, но одновременно порождало для них вызов. Он заключался в большей, чем во второй половине XX века, опоре крупнейших континентальных стран–участниц Альянса на собственные силы, а не на поддержку США. Практические предпосылки этой тенденции возникли ещё в середине 2010-х годов, а сама она обрела чёткие очертания на фоне Брекзита и возникновения трампизма. Репрезентативны заявления А. Меркель (2019) о том, что ушло время, когда ФРГ и её европейские партнёры могли опираться на других¹³. В этом и иных выступлениях речь шла об укреплении европейской составляющей Североатлантического альянса, а не только ЕС¹⁴. Не менее показательно было и заявление президента Франции Э. Макрона о «смерти мозга НАТО»¹⁵. Вместе с тем в отличие от Берлина Париж

первоочередное внимание уделял усилению именно ЕС, а не блока [Чернега 2020].

Как следствие, между сентябрем 2014 г. (Уэльский саммит НАТО) и июнем 2022 г. (в преддверии встречи лидеров Альянса в Мадриде) численность СБР увеличилась более чем в 3 раза (с 13 до 40 тысяч)¹⁶, была создана с нуля 10-тысячная наземная компонента СПР¹⁷ (без учёта равных по численности сил США в национальном качестве). Между тем у большинства стран–участниц НАТО, чьи ВС превышали 100 тысяч военнослужащих, наблюдалась иная динамика изменения численности. Она была либо отрицательная (Великобритания, -7,5%; Италия, -4,8%; Испания, -3%), либо практически нулевая (Франция), либо наблюдался небольшой прирост (США, +0,6%; Греция, +3,8%; Турция, +4,8%; ФРГ, +5,4%) (табл. 1). Общий рост

¹³ Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 55. Münchner Sicherheitskonferenz am 16. Februar 2019 in München. 16.02.2019. Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-55-muenchner-sicherheitskonferenz-am-16-februar-2019-in-muenchen-1580936> (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ "Смерть мозга": Макрон поставил НАТО диагноз и предостерег Россию от дружбы с Китаем. 08.11.2019. ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/7094512> (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁶ Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force, reinforce collective defence. 24.06.2015. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120993.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁷ NATO's Forward Presence. June 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

Таблица 2
Категоризация стран-участниц НАТО по доле расходов от ВВП на военные цели на начало 2020-х годов

Категория: удельный вес	Страны (по оценочному показателю на 2021 г.)	Число
От 2,0 % и более	Литва, Хорватия, Эстония, Латвия, Польша, Великобритания, США, Греция	8
От 1,75 до 1,99 %	Норвегия, Румыния, Франция, Словакия	4
От 1,50 до 1,74 %	Португалия, Черногория, Италия, Болгария, Турция, Венгрия	6
От 1,35 до 1,49 %	Нидерланды, Чехия, Северная Македония, Германия	4
От 1,01 до 1,34 %	Испания, Бельгия, Албания, Словения, Канада, Дания	6
Существенно менее 1,0 %	Исландия ²⁰ + Люксембург	1 + 1
Итого:	—	30

Источник: составлено автором по данным Defence expenditure of NATO countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2022. P. 8.

для стран-участниц НАТО без США составил 3,6%, с их учётом — всего 2,4%.

Исключение составляла Польша — рекордные 23,7%. Столь существенное увеличение подкрепляло её жёсткую риторику в отношении России и стремление быть основным реципиентом многостороннего присутствия НАТО в передовой части зоны ответственности (то есть играть ту роль, которая принадлежала ФРГ в конфронтации второй половины XX века).

В 2015–2016 годах, на начальных стадиях конфронтации с Россией, произошёл парадоксальный спад численности ВС в практически всех странах. В этом проявилась инерционность «военных машин», привыкших к длительным сокращениям. Для пересмотра подходов в сторону восстановительного роста, притом медленного, отдельным государствам потребовалось от 3–4 лет до десятилетия. Вместе с тем одна эта причина не способна объяснить столь существенного (уже не планируемого с 2014) сокращения. Разница в скорости изменения численности многосторонних группировок НАТО и национальных ВС означала заметное *повышение интегрированности последних* в рамках Альянса. Эта тенденция сочеталась с постановкой США вопроса о росте военных расходов —

до планки в 2% от ВВП к 2024 г. (инициировано администрацией Б. Обамы на Уэльском саммите 2014¹⁸) и даже 4% (попытка Д. Трампа пролоббировать на Брюссельском саммите 2018 г. провалилась)¹⁹. Среди союзников наблюдалось разнотемное приближение к ориентиру в 2% (табл. 2).

Заданного показателя достигли чуть более четверти стран-участниц: объяснимо нахождение среди них англо-саксонских держав, стран северной части Восточной Европы, Хорватии — то есть наиболее активных сторонников конфронтации с Россией. Особая позиция Греции объяснялась сложностью отношений с Турцией (стороны на протяжении десятилетий находятся в состоянии политического конфликта, в том числе из-за Кипра). Притом большинство «старых» европейских стран-участниц были далеко от достижения 2%. Более того, Германия существенно отставала не только от Франции, но более чем половины союзников по НАТО. Такое положение объяснялось не только инерционностью «военных машин» государств, но и сложностью убеждения общественности, части парламентского корпуса в необходимости перенаправления средств из социальной сферы в военную, то есть пересмо-

¹⁸ Wales Summit Declaration. 05.09.2014. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 07.11.2022).

¹⁹ Как Трамп пытается диктовать правила партнерам по НАТО. 11.07.2018. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5368792> (дата обращения: 07.11.2022).

²⁰ Не имеет собственных вооружённых сил.

тре тенденции, обеспечивающей электро-
ральную поддержку.

Педалируя наращивание СБР и СПР, США, учитывая их собственное минимальное участие в комплектовании обоих механизмов, сохраняли значительный военный потенциал под сугубо национальным командованием. Он мог использоваться Вашингтоном как для сдерживания России (в том числе под эгидой НАТО), так и для противодействия КНР либо иного наращивания присутствия вне евроатлантического пространства, наконец, для поддержания резерва на американской территории. Эта линия представляла предмет межпартийного консенсуса от Дж. Буша-мл. до Дж. Байдена.

До 2022 г. на официальных встречах лидеров государств-членов НАТО наблюдалось чередование решений по усилению СБР и СПР. Причём сначала наращивание потенциала, притом заметно большее по масштабу, утверждалось для сил быстрого реагирования, лишь спустя 1–2 года — для сил передового развёртывания. К примеру, на Уэльском саммите (сентябрь 2014) было принято решение о существенном (с 13 до 30 тысяч) увеличении СБР, а в составе появилась бригада сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Force, VJTF*)²¹. В июне 2015 г. численность СБР ещё более возросла (до 40 тысяч)²². Затем на Варшавском саммите (июль 2016) было согласовано создание наземных СПР, усиления иных их компонентов. Эти решения реализовывались с января 2017 года²³.

На Брюссельском саммите в июле 2018 г. было принято решение о создании дополнительных резервов (формула 30×4, 30 батальонных тактических групп, 30 вертолётных эскадрилий, 30 боевых кораблей с достижением готовности в течение 30 суток²⁴) с передачей их под командование НАТО.

Эти силы должны были дополнить в первую очередь СБР, в основном располагаясь в глубине зоны ответственности. Пропуская 2020–2021 годы, отмеченные первыми, наиболее непредсказуемыми волнами COVID-19 с их замораживающим эффектом, на внеочередном саммите Альянса в марте 2022 г. было согласовано развёртывание дополнительных войсковых единиц СПР НАТО²⁵.

Первоочерёдность наращивания СБР обуславливалась различиями в территориальном размещении войск в рамках двух механизмов. Усиление сил быстрого реагирования выглядело менее провокационным в отношении России, ограничивая риски неконтролируемой эскалации. Учёт этого обстоятельства «старыми» странами-участницами НАТО был особенно заметен на ранних стадиях конфронтации. По мере её обострения у представителей Альянса росла уверенность в способности контролировать издержки сдерживания. Важным проявлением этой ревизии стали меры по усилению СПР. Кроме того, не в пример последним комплектование СБР было удобнее для «старых» стран-участниц НАТО тем, что выделяемые для этого войсковые единицы оставались в местах постоянной дислокации или использовались в относительной близости (десятки, а не сотни километров).

Догоняющая динамика усиления СПР объяснялась и тем, что с конца 2010-х годов странам-участницам НАТО стало легче принимать новые обязательства в условиях перехода большинства национальных «военных машин» к восстановительному росту основных параметров. Вместе с тем он отнюдь не предполагал готовности соглашаться на галопирующее повышение интегрированности своих ВС под командование НАТО. Например, в конце 2010-х

²¹ Wales Summit Declaration. 05.09.2014. NATO...

²² Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force... 24.06.2015. NATO...

²³ Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 07.11.2022).

²⁴ Brussels Summit Declaration. 11.07.2018. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 07.11.2022).

²⁵ NATO's Forward Presence... NATO...

годов неоднократно осуществлялись вбросы о скором увеличении СБР до 60 тысяч военнослужащих, но этот шаг к 2022 г. так и не был формально осуществлён²⁶. Имевшийся состав (40 тысяч человек) с учётом семилетней очерёдности ротации комплектования сил²⁷ требовал от европейских стран—участниц НАТО резервировать до 280 тысяч военных для нужд Альянса.

Накануне Мадридского саммита (28–30 июня 2022) генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил: «мы усилим наши боевые группы в Восточной Европе до уровня бригад [каждая]. Мы трансформируем силы быстрого реагирования. И увеличим численность войск повышенной боевой готовности. До более чем 300 тысяч [солдат и офицеров]»²⁸. Действительно, на Мадридском саммите было решено иметь 100 тыс. войск со сроком развёртывания до 10 дней, 200 тысяч — от 10 до 30 суток, а ещё 500 тысяч — до полугода²⁹.

Таким образом, впервые в XXI веке на уровне Альянса было декларировано решение, касавшееся не только отдельных группировок, но ВС стран—участниц НАТО в целом. Оно порождало новый уровень интегрированности. Выдвинутая формула означала, что порядка 40% численности личного состава ВС европейских стран—участниц НАТО (в основном наиболее боеспособных сил) резервировалось для использования под эгидой Альянса. На практике интегрирование оставалось всё же условным: в промежутках между выполнением задач в составе группировок блока войска могли использоваться на других направлениях, под эгидой иных объединений.

Принципиально новое состояло, *во-первых*, в *упорядочивании и институционализации обязательств* с фиксированием высо-

кого промежуточного потолка в 800 тысяч военнослужащих. Этот ориентир был эквивалентен общей численности всех ВС Великобритании, Италии, Германии, Франции, вместе взятых (до 750 тысяч, см. табл. 1), и войск США в Европе (не менее 100 тысяч) [Major, Swistek 2022: 5]. *Во-вторых*, был замечен интерес в рамках НАТО к *дальнейшему интегрированию в единую систему* всех многосторонних группировок одновременно в передовой части зоны ответственности и её глубине, то есть дальнейшая имплементация принципа мультилатерализма.

Разворот на 150 градусов: вовнутрь вместо вовне зоны ответственности

Развитие СПР и СБР отражало *перенаправление* основных усилий НАТО с *вовне на вовнутрь её зоны ответственности*. Эта тенденция отражалась на доктринальном уровне — в декларациях по итогам саммитов глав государств и правительств, а также принятой на встрече в Мадриде новой стратегической концепции Альянса (табл. 3).

До начала 2010-х годов основной задачей НАТО неизменно обозначалось кризисное урегулирование, то есть стабилизация ситуации в локальных вооружённых конфликтах, источники которых были расположены на значительном удалении (тысячи километров) от зоны ответственности НАТО³⁰. Обострение отношений с Россией с 2014 г. привело к постановке на первое место задачи по совершенствованию войсковой системы вдоль границ и в глубине зоны ответственности блока. Кризисное урегулирование отодвинулось на вторую позицию, притом с растущим отрывом от первой. Это представляет мощ-

²⁶ NATO Response Force. 2022. NATO...

²⁷ См.: NATO Response Force. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (дата обращения: 07.11.2022).

²⁸ Pre-Summit press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg. 27.06.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197080.htm (дата обращения: 07.11.2022).

²⁹ New NATO Force Model. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

³⁰ См., например: Strategic Concept 2010. 19.11.2010. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_82705.htm (дата обращения: 07.11.2022).

Таблица 3
Иерархия основных угроз для НАТО: концептуальный уровень

Приоритезация угроз	Саммит				
	Ньюпорт, 2014 г.	Варшава, 2016 г.	Брюссель, 2018 г.	Брюссель, 2021 г.	Мадрид, 2022 г.
1	«Российская угроза»				
2	Угрозы от нестабильных стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока				
3	—	—	—	Вызов со стороны КНР	

Источник: составлено автором по данным: Wales Summit Declaration. 5.09.2014. NATO...; Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016. NATO...; Brussels Summit Declaration. 11.07.2018. NATO...; Brussels Summit Communiqué. 14.06.2021. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (дата обращения: 07.11.2022); NATO 2022 Strategic Concept. Brussels: NATO, 2022. P. 3–5.

нейшим побочным эффектом концепции сдерживания [Истомин 2022]. Вместе с тем обеспечение присутствия в зонах нестабильности в Азии и Африке, в отличие от предшествующей конфронтации Запад–Восток, осталось в списке приоритетов для НАТО. В этой связи разворот Альянса был осуществлён не на 180, а на 150°.

Следует ли понимать такую ревизию как пересмотр линии на глобализацию деятельности Альянса [Штоль 2015: 8–18]? В плане функциональных сфер ответ на этот вопрос отрицательный [Данилов 2021: 26–28]. НАТО декларирует ответственность в растущем числе областей, которые ранее не относились к её компетенции, — кибер- и информационная безопасность, изменение климата, свобода торговли и мореплавания³¹. Вместе с тем применительно к оперированию многосторонних миссий деглобализация присутствует. Она носит сугубо вынужденный характер, отражая неспособность Альянса выступать эффективным менеджером урегулирования вооружённых конфликтов в Азии и Африке. Эти геополитические утраты отчасти могут быть компенсированы вовлечением блока в сдерживание КНР.

Уже администрация Д. Трампа активно зондировала подключение НАТО к ещё одной конфронтации: между США с растущей группой партнёров и КНР. Тем не менее де-юре оно было согласовано лишь при Дж. Байдене: впервые китайская угроза была обозначена в коммюнике саммита

2021 года, а стратегическая концепция 2022 г. включила ещё более жёсткие формулировки. Таким образом, за год произошло ужесточение восприятия не только России, но и КНР, а также рост раздражения Ираном³² — то есть обострение в отношениях с широким кругом незападных держав.

Трансформация приоритетов Альянса в первую очередь отвечала интересам англосаксонских стран-участниц. Причём развитие доктринальных установок в указанном направлении не претерпело изменений на фоне Брекзита и противоречий относительно трампазма. Вместе с тем континентальные европейские страны-участницы лишь отчасти следовали в фарватере линии США и Великобритании. Они также руководствовались рядом собственных соображений.

Во-первых, переориентация НАТО позволила найти повод для убеждения общестественности, привыкшей к урезанию военных расходов и сокращению ВС, в необходимости наращивания «военных машин». При этом в абсолютном большинстве создаваемые войсковые единицы относились к *силам общего назначения* (СОН), то есть войскам, насыщенным танками, БТР и БМП, артиллерией среднего и крупного калибра. СОН традиционно использовались в военных конфликтах с сопоставимыми противниками. Они предназначены для применения значительными массами либо на самой территории государства, его союзников, либо на относительно неболь-

³¹ NATO 2022 Strategic Concept. ... P. 5–11.

³² Ibid. P. 3–5.

шом (сотни километров, но не тысячи) расстоянии от них.

Таким образом, укрепление СОН повышает потенциал НАТО внутри и вблизи зоны ответственности, но едва ли сможет обеспечить рост присутствия под эгидой Альянса в отдалении от неё. Для этого нужны *силы кризисного реагирования* (СКР) — относительно небольшие (не десятки и сотни тысяч военнослужащих, как в случае СОН, но тысячи) «лёгкие» силы. Они практически не имеют тяжёлой техники, но обладают массой различных транспортных средств (наземных, морских, воздушных), способны к переброскам на большие расстояния — в идеале СКР должны иметь способность к развёртыванию в любой точке мира.

Большинство национальных «военных машин», особенно крупных стран—участниц НАТО, к середине 2010-х годов были двусоставными. Причём сокращения всех видов осуществлялись за счёт СОН, а часть высвобождаемых ресурсов направлялась на развитие СКР. С середины 2010-х годов страны—участницы блока сфокусировались на наращивании сил общего назначения, а СКР оказались в тени. Изменение иерархии приоритетов Альянса больно ударило по возможностям военного присутствия представителей евроатлантического сообщества на международной арене. Иллюстративен пример ФРГ, с начала XXI века стремящейся утвердиться в положении глобального игрока: если в начале 2010-х годов вне зоны ответственности НАТО использовалось порядка 7 тысяч военнослужащих (иногда — до 10 тысяч), то в 2014–2015 годах этот показатель упал до 3,5 тысячи [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018: 8–11], а в начале 2020-х — до 2 тысячи военных³³.

Во-вторых, сокращение войскового присутствия конкретных стран Запада

в зонах нестабильности в Азии и Африке, то есть источников экзистенциальных угроз (а не сугубо гипотетической, как «российская»), усугублялось резким сокращением профильных миссий НАТО. Например, на Балканах с 1990-х по начало 2000-х годов под эгидой Альянса реализовывалось 10 разноплановых миссий, в том числе две силовые (военно-воздушные, *Deliberate Force* 1995 и *Allied Force* 1999). После событий 11 сентября 2001 г. ряд европейских стран—участниц НАТО при инициировании антитеррористической коалиции проявили даже большую заинтересованность в задействовании механизма Альянса, чем США³⁴. В дальнейшем они внесли масштабный вклад в деятельность *Международных сил содействия безопасности в Афганистане* (2002–2014; под командованием НАТО — с 2003).

В отличие от операций 1995 и 1999 годов на Западных Балканах, дальнейшая опора на НАТО при проведении военно-силовых операций вне зоны её ответственности стала порождать трудности для Альянса. Показательной оказалась неготовность (в Ираке в 2003) или ограниченная готовность (в Ливии в 2011, в Сирии в 2013) ряда европейских стран—участниц НАТО согласовать интервенции под эгидой Альянса и предоставить ресурсы для поддержки действий США. Иная ситуация, чем в 2001 году, сложилась со второй западной антитеррористической коалицией на сирийско-иракском направлении (с сентября 2014 для борьбы с ИГ³⁵). Согласие на использование механизмов блока в её интересах было достигнуто только в 2018 году.

Кроме того, объём военной активности ФРГ под эгидой Альянса в Ираке и тем более Сирии был заметен меньше³⁶, чем в рамках миссии блока *Resolute Support*

³³ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. 2022. Statista.de. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (дата обращения: 07.11.2022).

³⁴ The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. P. 76.

³⁵ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

³⁶ Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018. S. 2–5.

в Афганистане (2015–2021) [Glatz, Kaim 2020]. Франция же де-факто отказалась участвовать в последней, сфокусировавшись на стабилизации обстановки в Мали и *G5 Sahel* (также в Буркина-Фасо, Мавритании, Нигере, Чаде) в национальном качестве. ФРГ действовала на данном направлении, где в принципе не участвовала НАТО, используя бундесвер под эгидой ЕС, ООН, Африканского Союза³⁷. Этот подход отражал восприятие западноевропейскими континентальными державами Альянса как объединения, в первую очередь ориентированного на деятельность в Европе. В попытках обеспечить стратегическое присутствие вне евроатлантического сообщества Берлин и Париж к 2020-м годам предпочитали в основном другие форматы. Крупнейшим исключением оставался Афганистан.

Примечательно в этой связи решение администрации Дж. Байдена от 13 апреля 2021 г. о выполнении договорённостей с Талибаном³⁸, заключённых 29 февраля 2020 года (при Д. Трампе). Вывод многосторонних сил НАТО, причём экстренный (изначально к сентябрю, потом к июлю 2021 года), стал стратегическим шоком для европейских союзников, особенно вносивших крупный вклад в *Resolute Support* Германии и Италии³⁹. Таким образом самоликвидировалась наиболее значительная миссия Альянса вне зоны ответственности, альтернативы которой на других стратегических направлениях не просматривается.

Подобная ситуация возникла для НАТО *впервые* с 1990-х годов. Ключевая причина сложившегося положения – неэффективность западной модели урегулирования вооружённых конфликтов в Азии и Африке,

предполагающей внедрение ценностей либеральной демократии при недопущении активного участия незападных игроков. Таким образом, снижение приоритетности задачи по кризисному урегулированию для НАТО (табл. 3) было обусловлено причинами, *не связанными с широко разрекламированной российской угрозой*.

Показательным было педалирование начиная с 2017–2018 годов Францией и Германией идеи наделяния ЕС «стратегической автономией» [Сидоров 2020; Чернега 2020]. В их понимании (особенно Берлина) этот процесс имел две составляющие. Одна – развитие многостороннего войскового потенциала ЕС, особенно его СКР. Вторая – технико-технологическое (многосторонняя разработка и производство перспективных образцов ВиВТ), функциональное, управленческое сопровождение деятельности войсковых единиц ЕС, реализуемое в основном по линии Постоянного структурированного сотрудничества⁴⁰. Тем самым предполагалась трансформация формулы «Берлин+» (2002) о разделении ответственности между ЕС и НАТО. Резкое сокращение деятельности Альянса за пределами евроатлантического сообщества, особенно в зонах нестабильности, планировалось заменить активизацией Европейского Союза. В основном за НАТО закреплялось управление массами (в десятки, сотни тысяч человек) «тяжёлых» войск на общей внешней границе союзников, а за ЕС – миссиями «лёгких» сил (в сотни, тысячи военных) в отдалении от неё.

Вероятность практической реализации такого разделения остаётся дискуссионной. На ключевом направлении стратеги-

³⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. S. 2–8.

³⁸ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

³⁹ Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures. October 2019. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_10/20191022_2019-10-RSM-Placemat.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

⁴⁰ См.: Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview. 16.11.2021. The EU. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53013/20211115-pesco-projects-with-description.pdf> (дата обращения: 07.11.2022).

ческой активности — в Мали — ЕС к середине 2022 г. потерпел провальное поражение (заморозка военно-тренировочной миссии EUTM *Mali*, прекращение прецедентной боевой миссии *Takuba*). Пробуксовывание совместной разработки европейскими союзниками перспективных образцов вооружений стимулировало закупки оных странами-участницами НАТО у США. Например, в условиях затянувшегося создания истребителя шестого поколения совместно с Францией Германия приняла решение закупить партию F-35 производства США для перевооружения одной из эскадр люфтваффе⁴¹.

Ещё более значимы сложности общеполитического характера. Предполагаемое перераспределение функций между НАТО и ЕС удовлетворяет интересам «старых» континентальных европейских стран, позволяя им согласиться с переориентацией Альянса на традиционную зону ответственности. Снимая часть прежних опасений США и Великобритании, изложенное распределение ответственности евроатлантических институтов порождает новые риски. В частности, усложняется координация усилий в зонах нестабильности в Азии и Африке между англосаксонскими державами и государствами-членами ЕС.

В-третьих, подходы союзников по НАТО заметно разнятся в вопросе сдерживания КНР, несмотря на декларирование солидарности на саммитах Альянса 2021 и 2022 годов. Континентальные западно- и южноевропейские государства не стремились к резкой деградации взаимодействия с Пекином. В частности, они демонстрировали неготовность в начале 2020-х годов вносить сколько-нибудь значимый вклад в выстраивание полупериметра сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Их линия шла вразрез с ожиданиями США и Велико-

британии. Последние интенсифицировали сближение с ближайшими партнёрами в ИТР — с Австралией, Японией, отчасти Индией, результатом чего стали активизация формата *QUAD*, создание *AUKUS* (сентябрь 2021) и *Partners in the Blue Pacific* (июнь 2022). По сути, они направлены не только на противодействие КНР, но и на ограничение возможностей Франции и Германии в ИТР.

Наконец, *в-четвёртых*, значим сюжет солидаризации государств-членов НАТО в вопросе поставок ВиВТ официальному Киеву после начала специальной военной операции России. Площадка Альянса использовалась для координации национальных программ оснащения вооружённых сил Украины (ВСУ), стимулирования проявлявших сдержанность игроков (в частности, ФРГ до конца апреля 2022). Изначально упор был сделан на поставки техники производства СССР и Организации Варшавского договора. Этот подход представлялся выгодным для стран-участниц НАТО по ряду причин. В первую очередь против России использовалось советское или российское вооружение. Одновременно ведущие «старые» страны-участницы НАТО — в первую очередь ФРГ, а также США — получали возможность в результате физического реверса ВиВТ усилить привязку «новых» стран-участниц к своим военно-промышленным комплексам.

По мере развития боевых действий Киеву начали передаваться системы вооружений западного производства. Например, речь шла о партиях, каждая из которых позволяла оснастить от роты до неполного батальона, французских САУ *CAESAR*, польских *AHS Krab* или германских штурмовых гаубиц *PzH 2000*, ЗСУ *Gepard*⁴². Значимым стало решение ФРГ от 25 января 2023 года, простимулированное США, о согласии на поставки Киеву танков

⁴¹ DPA: Германия планирует закупить самолеты F-35 для перевооружения ВВС. 14.03.2022. РБК. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14058189> (дата обращения: 07.11.2022).

⁴² См., например: *Militärische Unterstützungsleistungen für die Ukraine*. 2023. Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (дата обращения: 25.01.2023).

Leopard 2A6 и снятии ограничений на их предоставление Украине другими странами⁴³. Вашингтон объявил о готовности направить танки *Abrams*. Тем самым ведущие страны—участницы НАТО приступили к модернизации танковых и механизированных частей ВСУ — ударной наступательной компоненты армии⁴⁴.

Параллельно во многом неудачный опыт по подготовке сил безопасности в конфликтных зонах Азии и Африки (Афганистане, Ираке, Сирии, Мали) был пересмыслен рядом стран—участниц НАТО (в первую очередь Великобританией, Польшей, а также Германией) для подготовки кадров ВСУ. Для усиления последних использовались преимущественно взятые с хранения, то есть законсервированные, единицы ВиВТ, но также и изымаемые из войсковых частей и приобретаемые у производителей. Следует учесть и объёмное военное финансирование, выделяемое на эти и другие цели. Данные шаги замедляли восстановительный рост ВС стран—участниц НАТО, и без того небывший.

Согласие на военно-техническую поддержку Украины обуславливалось неготовностью стран—участниц Альянса допустить возможность ограничения пространства для расширения евроатлантических институтов. Подтверждением тому стал резко возросший интерес к вступлению Швеции и Финляндии в НАТО на фоне специальной военной операции Российской Федерации. *Перманентная* способность к расширению выступала одним из ключевых критериев дееспособности евроатлантического сообщества. Кроме того, без задействования масс личного состава регулярных ВС стран—участниц НАТО на Украине

наносились потери оборонному потенциалу России. ВСУ ускоренно переходили на стандарты блока, выступая весомым дополнением к системе сдерживания Москвы, но оставаясь вне зоны ответственности Альянса. Вместе с тем более масштабным направлением оставалось совершенствование многостороннего потенциала самой НАТО.

Обновлённая концепция сил быстрого реагирования

В середине 2010-х — начале 2020-х годов восприятие сил быстрого реагирования как наиболее мощной компоненты многостороннего потенциала НАТО лишь упрочилось. СБР стали именовать «копьем», остриём которого стали силы сверхповышенной боевой готовности (СПБГ, *VJTF*). Они изначально задумывались как межвидовое соединение, включавшее не только наземную основу, но также военно-морскую, военно-воздушную компоненты, силы специальных операций⁴⁵. В 2014 г. численность *СПБГ* была определена в 5 тысяч солдат и офицеров, к концу 2010-х годов была увеличена до 20 тысяч военных⁴⁶ (без наращивания СБР в целом). Таким образом, она достигла 50% от общей численности сил быстрого реагирования.

СПБГ представляли эквивалент дивизии усиленного состава, а СБР в целом — корпуса. Комплектование основы сил быстрого реагирования, особенно сил повышенной боевой готовности, возлагалось на одну из крупных стран—участниц НАТО сроком на 12 месяцев. В течение этого срока ещё 2–4 малые страны—участницы помогали ей. Из девяти союзников, чьи вооружённые силы насчитывали 100 тысяч военнослужащих и более (см. табл. 1), в рота-

⁴³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsidentin Jakobsdóttir am 25. Januar 2023 in Berlin. 25.01.2023. Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesidentin-jakobsdottir-am-25-januar-2023-2160572> (дата обращения: 25.01.2023).

⁴⁴ Remarks by President Biden on Continued Support for Ukraine. 25.01.2023. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/01/25/remarks-by-president-biden-on-continued-support-for-ukraine/> (дата обращения: 25.01.2023).

⁴⁵ NATO Response Force. 2022. NATO. ...

⁴⁶ Ibid.

ционном списке отсутствовали две — США и Греция. Вашингтон в принципе избегал масштабного участия в комплектовании СБР. Афины доказывали свою особость, подчёркивая напряжённые отношения с Турцией. В 2018 г. «рамочной нацией» при комплектовании *СПБГ* стала Италия, в 2019-м — ФРГ, в 2020-м — Польша, в 2021-м — Турция⁴⁷, а в 2022-м — Франция⁴⁸.

Основной задачей в ходе большинства значимых войсковых манёвров НАТО являлась отработка **выдвижения СБР к границам зоны ответственности Альянса**. Этой задаче были посвящены учения *Noble Jump 15* (июнь 2015, 2,1 тысячи военнослужащих)⁴⁹, одна из компонент намного более крупных манёвров *Anakonda 16* (июнь 2016). В результате был накоплен опыт выдвижения из ФРГ в Польшу группировки СБР, но в обоих случаях её состав был небольшим (менее бригады).

В октябре — ноябре 2015 г. на учениях *Trident Juncture 15* (36 тысяч задействованных военнослужащих), проводившихся на Пиренейском и Апеннинском полуостровах, аналогичная задача решалась для южноевропейских рубежей НАТО⁵⁰. Запланированные ещё на саммите 2014 года, манёвры *Trident Juncture 15* стали апробацией возможностей Альянса по борьбе с угрозами нестабильности из Ближнего Востока и Северной Африки, на практике показав ограниченность потенциала НАТО.

В конце 2010-х — начале 2020-х годов ключевым направлением стало скандинав-

ское. Отдельные элементы были отработаны США и Францией в ходе национальных манёвров шведских войск *Aurora 17* (сентябрь 2017)⁵¹. Выдвижение из глубины сильной межвидовой группировки СБР с соединением СПБГ в виде ударного конечника отрабатывалось в ходе манёвров *Trident Juncture 18* (50 тысяч военнослужащих, октябрь — ноябрь 2018)⁵² и *Cold Response 22* (30 тысяч задействованных солдат и офицеров, март — апрель 2022)⁵³. Страны-участницы НАТО стремились отладить функционирование крупных межвидовых сил в условиях поздней осени и ранней весны в природно-климатических условиях Севера.

В последовательности учений прослеживалась географическая логика. Сначала отработка выдвижения из глубины СБР шла в восточном направлении и параллельно — в южном, затем, с некоторым временным лагом, — северном. Причём на стратегических флангах, особенно скандинавском, масштаб группировок был намного больше. Это тем парадоксальнее, что субарктические пространства, в отличие от Восточной, Южной Европы, постсоветского пространства, не приспособлены для использования крупных масс войск, особенно наземных. Тем не менее на северном направлении НАТО проводила важнейших учений не 1–2 года, но как минимум пятилетие (2018–2022), причём уже после того, как восстановительный рост большинства национальных «военных машин» стартовал.

⁴⁷ Turkey takes charge of NATO high readiness force. 01.01.2021. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

⁴⁸ France takes the lead of NATO's highest readiness force. 29.12.2021. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_190458.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

⁴⁹ NATO 'Spearhead' Force deploys for first time, Exercise Noble Jump underway. 09.06.2015. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120512.htm (дата обращения: 07.11.2022).

⁵⁰ Exercise Trident Juncture 2015. October 2015. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_10/20151008_1510-factsheet-tj15_EN.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

⁵¹ AURORA 17. September 2017. Forsvarsmakten. URL: <https://www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/aurora-17/> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵² Trident Juncture 2018. 29.10.2018. NATO. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵³ Exercise Cold Response 2022 — NATO and partner forces face the freeze in Norway. 07.03.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192351.htm (дата обращения: 07.11.2022).

В отличие от манёвров на юге Европы и в Польше в случае Скандинавии присутствовал сопоставимый уровень интереса к учениям всей тетрархии западных держав (США, Великобритания, Франция, ФРГ). Объяснение этой заинтересованности можно искать в том, что в Скандинавии не было многосторонних СПР, и, в отличие от стран Восточной Европы, Осло не ставил вопрос об их учреждении. Между тем США при поддержке Великобритании добивались развёртывания на севере Норвегии войскового присутствия (при Д. Трампе)⁵⁴, а затем доступа на ряд военных баз (при Дж. Байдене)⁵⁵. В свою очередь ФРГ предложила Норвегии привилегированное сотрудничество в военно-технической области⁵⁶.

Учения *Trident Juncture 18* и *Cold Response 22*, обеспечивая сближение «военных машин» НАТО, Швеции и Финляндии, содействовали утверждению в последних идеи вступления в Альянс. Соответствующие решения Стокгольмом и Хельсинки были принципиально согласованы с аппаратом блока 24 января 2022 года⁵⁷, то есть *за месяц до начала специальной военной операции Российской Федерации*. Этим опровергаются утверждения, что она выступила причиной расширения НАТО в Северной Европе. Вместе с тем в ходе военно-тренировочной деятельности Альянса на северном фланге основное внимание привлекала всё же не Швеция или Финляндия, а Норвегия.

Она существенна как партнёр для стратегического проникновения в Арктику. Для США ценность Норвегии повышают

противоречия с Канадой по арктическому вопросу (в том числе из-за идеи интернационализации Северо-Западного прохода), отчасти с Данией (после постановки Д. Трампом в 2019 г. вопроса о приобретении Гренландии). Как следствие, растёт стремление ФРГ, Великобритании, США наращивать присутствие в самой северной части передовой части зоны ответственности НАТО вне механизма СПР.

В конце 2010-х — начале 2020-х годов силы быстрого реагирования окончательно оформились как мощный оперативно-стратегический резерв НАТО. Развёртывание действующих СБР или войск, в рамках ротации предназначенных для их комплектования в прошлом и (или) дальнейшем, позволяло Альянсу быстро нарастить силы и средства на избранном направлении и тем создать основу для перехода к наступательным действиям.

Трансформация сил передового развёртывания Альянса

Первые элементы СПР появились в Восточной Европе сразу после расширения НАТО 2004 года. Тем не менее в первое десятилетие они были представлены лишь военно-воздушной и военно-морской компонентами. Требовалось время (5–10 лет), чтобы перевести «военные машины» новых стран-участниц на стандарты НАТО. Сдерживающее значение имело и стремление смягчить российскую обеспокоенность относительно продвижения Альянса на восток. Вместе с тем тезис о российской угрозе уже в странах-участницах НАТО предоставлял повод для создания войско-

⁵⁴ Some 330 U.S. Marines to be temporarily stationed in Norway in 2017. 24.10.2016. Arctic Today. URL: <https://www.arctictoday.com/some-330-u-s-marines-to-be-temporarily-stationed-in-norway-in-2017/> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵⁵ New Norway — USA Defense Agreement Allows Extensive US Authority in the North. 08.06.2022. High North News. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-norway-usa-defense-agreement-allows-extensive-us-authority-north> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵⁶ Neue U-Boote und Seeziel-Flugkörper für die Marine. 09.07.2021. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/ausrustung-baainbw/aktuelles/deutsch-norwegische-u-boote-und-seeziel-flugkoerper-5109534> (дата обращения: 07.11.2022).

⁵⁷ Press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg, the Minister for Foreign Affairs of Finland, Pekka Haavisto and the Minister for Foreign Affairs of Sweden, Ann Linde. 24.01.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_191039.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

вых механизмов в регионе. В 2004 г. это были настоятельные просьбы государств Балтии, в 2008 году — взволнованность Запада в связи с операцией Москвы по принуждению к миру Грузии.

Изначально были учреждены миссия по патрулированию воздушного пространства стран Балтии (*Baltic Air Policing*), постоянные группы: 1-я морская (1-я ПМГ) и 1-я контрминная (1-я ПКМГ), оперирующие в Северном и Балтийском морях, прилежащих к ним заливах и проливах. В 2008 г. они были дополнены 2-й ПМГ и 2-й ПКМГ, действующими в черноморской и средиземноморской акваториях. Эпитет «постоянный» обозначал их непрерывное функционирование, но не состав: все морские группы, как и группировки СПР в целом, комплектовались на ротационной основе. Кроме того, всем элементам СПР НАТО придавался многосторонний характер с преобладающим вкладом европейских стран-участниц. В плане предоставления войск и техники США вносили меньший вклад, чем другие крупные страны-участницы Альянса в среднем. Иную роль они стали играть после обострения противоречий между Россией и Западом, стимулируя европейских партнёров решительнее наращивать СПР.

В 2014–2016 годах в Восточной Европе появились прецедентные наземные войсковые элементы СПР. Они были представлены силами США: шесть американских ротных тактических групп расположились в странах Балтии, Польше, Румынии и Болгарии (по одной в каждой стране). Контингенты были развёрнуты в национальном качестве в рамках миссии *Atlantic Resolve* («Атлантическая решимость») [Никитин 2016: 7–9]. Это положение определило будущую двусоставность СПР НАТО, в первую очередь сухопутных: параллельное наличие монациональных

(лишь США) и многосторонних (в которых Соединённые Штаты вносили ограниченный вклад) войсковых механизмов.

Неучастие европейских союзников в происходившем развёртывании обуславливалось стремлением не допустить в отношениях с Россией резкой неконтролируемой эскалации напряжённости в ситуации, когда только начиналась выработка новых либо реактивация старых правил поведения в условиях конфронтации. Из ведущих стран Запада в наибольшей мере эти опасения испытывала Германия. Это подтверждается минимизацией использования соединений бундесвера в военно-тренировочной деятельности НАТО в Восточной Европе весной — осенью 2014 года, с последующим ростом его вовлечённости.

В военном отношении «старым» странам-участницам НАТО требовалось время для проверки, отладки и расширения тыловой инфраструктуры. Не менее острой была потребность в штабной инфраструктуре: значимым в этой связи стала реорганизация в феврале 2015 г. штаба датско-германо-польского корпуса «Северо-Восток» в многостороннее управление с сохранением прежнего названия⁵⁸. Кроме того, после сокращений национальных «военных машин» на протяжении четверти века для «старых» стран-участниц НАТО оказалось проблематичным выделить необходимое количество войск для СПР в условиях резко возросшей нагрузки по линии СБР и сохранения миссий вне евроатлантического пространства.

Сами США не желали нести существенную нагрузку (суммарно более одной усиленной батальонной тактической группы) без европейских союзников. Пик усилий Вашингтона без соразмерной поддержки европейских партнёров пришёлся на учения *Anakonda 16* (7–17 июня 2016), проходившие в основном в Польше⁵⁹. Ключ-

⁵⁸ Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers. Meeting 5 February 2015. Brussels: NATO, 2015. P. 1–2.

⁵⁹ NATO countries begin largest war game in eastern Europe since the Cold War. 06.06.2016. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (дата обращения: 07.11.2022).

чевой вклад внесли Соединённые Штаты, принимающая сторона и Великобритания: они выделили 14 тысяч, 12 тысяч и 800 военнослужащих соответственно⁶⁰, то есть 86,5 % от общего числа задействованных сил.

Положение стало меняться после Варшавского саммита НАТО (8–9 июля 2016), состоявшегося вскоре после *Anakonda 16*. Большинство стран-участниц НАТО согласилось с необходимостью развёртывания войсковых многосторонних механизмов СПР – батальонных тактических групп (БТГ) – из расчёта одна в каждой из стран Балтии и Польше⁶¹. Помимо этого, было решено расширить состав всех постоянных морских групп и миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии⁶². Вопреки настоятельным требованиям Польши был принципиально подтверждён ротационный характер комплектования СПР⁶³. 4 БТГ, то есть эквивалент бригады, начали функционировать с января 2017 года. Параллельно непосредственно США (также на ротационной основе) развернули на территории Польши и балтийских государств «тяжелую» бригаду⁶⁴.

Таким образом, окончательно закрепились двуединая композиция наземных СПР НАТО. Причём вклад США в национальном статусе оказался примерно равен многостороннему вкладу других стран-участниц Альянса. С учётом компоненты Соединённых Штатов в многосторонней БТГ в Польше их удельный вес превышал половину от общего потенциала. Соединённые Штаты стимулировали континентальных западно-, северо- и южно-европейских партнёров к внесению вой-

сковой нагрузки в комплектование группировок в Восточной Европе. Одновременно Вашингтон обеспечивал своё преобладающее положение – над любым другим государством-членом, над ними в целом.

Примечателен список рамочных государств для многосторонних БТГ: Великобритания, Канада, ФРГ и США (табл. 4). Тем самым по линии СПР был определён круг игроков, наиболее заинтересованных в наращивании многостороннего потенциала НАТО. Более чем логично нахождение в этом списке США и Великобритании. Вашингтон укрепил и без того продвинутое сотрудничество с Польшей, сильным игроком в регионе; Лондон – с наиболее выдвинутой в сторону России страной Балтии – Эстонией. БТГ с направляющей ролью США и Великобритании окаймляли с флангов всю композицию боевых групп. Наличие в рассматриваемом списке Германии отражало постепенно, но неуклонно крепнувшее стремление Берлина принимать роль «рамочной нации» [Glatz, Zapfe 2017], подводя практическую основу под лидерские амбиции ФРГ.

Выбор Литвы как основного реципиента присутствия бундсвера был обусловлен рядом причин. Своё влияние оказал статусный спор между Берлином и Варшавой. Его проявлениями стали отказ от приглашения Польши к участию в «нормандском формате», снижение интереса к использованию «веймарского треугольника» и создание Варшавой препона для развития диалога Берлина с Вышеградской группой. Литва исторически воспринималась хотя и меньшим, но всё же сопоставимым по влиянию с Польшей

⁶⁰ NATO countries begin largest war game in eastern Europe since the Cold War. 06.06.2016. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (дата обращения: 07.11.2022).

⁶¹ Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016. NATO...

⁶² Ibid.

⁶³ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des „Eisernen Vorhangs“ unter besonderer Berücksichtigung der Initiative „Weimarer Dreieck“. Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste. WD 2 - 3000 - 075/16. 17. Mai 2016. S. 16–17.

⁶⁴ American Armored Brigade Combat Team in Poland. 31.08.2017. The US Department of State. URL: <https://pl.usembassy.gov/abct/> (дата обращения: 07.11.2022).

Таблица 4

Схема участия государств—членов НАТО в комплектовании боевых многосторонних групп СПР (на 1 ноября 2022)

Государство-реципиент ⁶⁵	Дата (де-факто) учреждения группы	«Рамочное государство»	Остальные страны-участницы	Факт перехода к уровню бригады (+ или –) ⁶⁶
Эстония	Январь 2017 г.	Великобритания	Дания, Исландия, Франция	+
Латвия	Январь 2017 г.	Канада	Албания, Испания, Италия, Польша, Северная Македония, Словакия, Словения, Черногория, Чехия	+
Литва	Январь 2017 г.	Германия	Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Чехия	+
Польша	Январь 2017 г.	США	Великобритания, Румыния, Хорватия	–
Словакия	Март 2022 г.	Чехия	Германия, Нидерланды, Словения	–
Венгрия	Март 2022 г.	Венгрия	Италия, США, Турция, Хорватия, Черногория	–
Румыния	Март 2022 г.	Франция	Нидерланды, Польша, Португалия, Северная Македония, США	+
Болгария	Март 2022 г.	Италия (до октября 2022 г. – Болгария)	Албания, Греция, Северная Македония, США	+

Источник: составлено автором по данным NATO's military presence in the east of the Alliance. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 7.11.2022).

игроком⁶⁷, являясь сильнейшей в триумвирате стран Балтии. Сотрудничество с ними относилось к числу ключевых направлений внешней политики ФРГ. Участием в комплектовании БТГ в Литве, причём вблизи дислокации элитной национальной бригады «Железный волк»⁶⁸, Германия подвигла дополнительную основу под сотрудничество со странами Балтии, действуя зеркально в отношении политики США на польском направлении.

Наиболее примечателен случай Канады как рамочного государства для БТГ в Латвии. Во второй половине XX века Оттава участвовала в комплектовании передового эшелона группировок НАТО по просьбе других англосаксонских держав, стремясь к оптимизации численности сил и, в случае

возникновения благоприятных условий, их скорейшему выводу. В 2010-х Канада в Латвии заняла то положение, которое потенциально отводилось Франции. Свою роль здесь сыграло жёсткое отношение Оттавы к Москве на фоне украинских событий⁶⁹, учёт пожеланий США и Великобритании. Тем не менее главной стала неготовность Парижа принять роль «рамочного государства» – вместо этого он стал рядовым участником БТГ в Эстонии, следуя в фарватере Соединённого Королевства.

Причины этой пассивности лежали в нежелании Франции подрывать диалог с Россией в преддверии смены президента (выборы в мае 2017). Ф. Олланд заранее отказался от борьбы, оставляя широкое по-

⁶⁵ Даны по расположению с севера на юг.

⁶⁶ С учётом данных: [Major, Swistek, 2022: 5–7].

⁶⁷ Уместно привести пример Речи Посполитой (1569–1795), основу которой составляли «корона» (Польское королевство) и «княжество» (Великое княжество Литовское).

⁶⁸ Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation. 01.07.2019. BMVg. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288> (дата обращения: 07.11.2022).

⁶⁹ Канада после окончания Второй мировой войны стала ключевым реципиентом украинской эмиграции националистического толка, то есть активных членов ОУН-УПА (запрещена в России).

ле маневрирования для будущего победителя Э. Макрона. Кроме того, Париж, как и Рим, повышенное внимание уделял противодействию угрозам нестабильности, что проецировались с североафриканского и ближневосточного направлений. Значимой была активизация военного присутствия Франции в Мали и *G5 Sahel* в целом. На фоне общего снижения активности ведущих государств Запада вне зоны ответственности НАТО такое поведение было девиантным, показывая особость Франции не только в вопросе комплектования многосторонних СПР.

Как и в случае морских и воздушных элементов СПР, процесс развёртывания наземных сил стартовал на северо-восточном фланге, а также в центре, отставая на юго-востоке. СПР в Польше и странах Балтии обозначались как усиленное передовое присутствие (*enhanced Forward Presence, eFP*). В Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии они определялись как адаптированное передовое присутствие (*tailored Forward Presence, tFP*)⁷⁰. Причина такого разграничения лежала опять же в опасениях ряда европейских стран—участниц НАТО эскалации напряжённости с Россией. Создание наземных боевых групп выступало чувствительной мерой, подстёгивающей конфронтацию. Их создание в непосредственной близости от Украины (вооружённый конфликт на востоке которой перешёл в тлеющую фазу, не будучи урегулирован) и Молдовы (учитывая приднестровский вопрос) воспринималось как чрезмерно провокационный шаг в середине 2010-х.

Вместе с тем он перешёл лишь в категорию отложенных, но не отменённых.

Подтверждением тому выступала развёрнутая сеть многосторонних штабов и миссий связи. В дополнение к управлению корпуса «Северо-Восток» (в Шечине, Польша) на саммите НАТО (2016) было принято решение о создании штаба дивизии «Юго-Восток» с дислокацией в Бухаресте⁷¹. Таким образом, создавалось командование под будущие многонациональные боевые группы в южной части Восточной Европы.

Параллельно с подчинением управлению корпуса «Северо-Восток» создавался штаб одноимённой дивизии (в Эльблонге, Польша): он достиг боеготовности в декабре 2018 года. В октябре 2020 г. было завершено отлаживание штаба дивизии «Север» (в Адажи, Латвия)⁷². На рубеже десятилетий стало формироваться ещё одно многостороннее командование дивизионного уровня — «Центр» с дислокацией в Секешфехервар в Венгрии⁷³, которое также подчинялось корпусному управлению «Северо-Восток». Таким образом, пандемия COVID-19 не стала препятствием для наращивания СПР. Штабная структура опережала в своём развитии развёртывание войсковых единиц и указывала *предполагаемые направления и объёмы* будущих сил.

Учитывая, что стандартная дивизия большинства стран—участниц НАТО состоит из трёх бригад и частей прямого (дивизионного) подчинения, система штабов в начале 2020-х годов была готова обеспечить командование 12 бригадами СПР. Для сопоставления: бундесвер имел в своём составе всего 7,5 бригады⁷⁴. Причём формально к январю 2022 г. в подчинении штабов СПР НАТО оставались ротируемые

⁷⁰ NATO's military presence in the east of the Alliance. 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm

⁷¹ Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016. NATO. ...

⁷² NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 2022. ...

⁷³ Headquarters Multinational Corps Northeast forges bonds with allies during hands-on event in Hungary. NATO. 02.07.2021. Mode of access: <https://mncne.nato.int/newsroom/news/2021/headquarters-multinational-corps-northeast-forges-bonds-with-allies-across-hungary-during-hands-on-event> (дата обращения: 07.11.2022).

⁷⁴ Рассчитано автором на основе данных сайта Министерства обороны ФРГ: <https://www.bundeswehr.de/de>

силы масштаба 2017 года: бригада ВС США и 4 многосторонние БТГ⁷⁵. Например, в подчинении штаба дивизии «Север» оказались лишь БТГ в Латвии и Эстонии, передовые подразделения бригады США; «Северо-Восток» — БТГ в Польше и Литве, основные силы указанного соединения⁷⁶, а дивизии «Центр» и «Юго-Восток» в плане войскового наполнения были «бумажными».

Тем самым задолго до начала специальной военной операции России был подготовлен в плане управления очень значительный рост *eFP*. Его первые признаки появились уже в начале 2022 года. В частности, было принято решение о формировании многонациональной бригады в составе дивизии «Юго-Восток», а также усилении имевшихся боевых групп⁷⁷. США начали развёртывать вторую по счёту бригаду: будучи мотопехотной (в отличие от бронетанковой/бронекавалерийской с 2017), она должна была основные силы развернуть в Румынии, а передовые части — в Болгарии и Венгрии⁷⁸.

Данное наращивание стало возможным ввиду того, что прошло требуемое время для убеждения всех стран-участниц НАТО в заполнении войсками отстающего юго-восточного фланга СПР. Значимым индикатором стали учения *Sea Breeze 21* (28 июня — 10 июля 2021), проведённые с опорой на инфраструктуру Болгарии и Румынии. В них были вовлечены военно-морские силы большинства стран-участниц НАТО, сухопутный компонент

манёвров проходил в прибрежных районах Одесской и Николаевской областей Украины⁷⁹.

Начало специальной военной операции России было использовано как повод для ускоренного наращивания *eFP*. Уже 24 марта 2022 г. на специальном саммите НАТО было принято решение о формировании четырёх новых БТГ — по одной в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии: юго-восточный фланг СПР получал многостороннее войсковое содержание. Тем не менее вскоре он вновь оказался отстающим по количественным параметрам от центра и северо-востока [Major, Swistek 2022: 5].

7 июня 2022 года, спустя примерно сто дней после начала специальной военной операции России, О. Шольц после встречи с лидерами стран Балтии заявил о решении перевести БТГ в Литве с батальонного на бригадный уровень⁸⁰. Не являясь «рамочным государством» для вновь учреждённой БТГ в Словакии (эти функции приняла Чехия), тем не менее ФРГ стала вносить наибольший вклад в деятельность данного войскового механизма (табл. 5). В итоге Германия летом 2022 г. вышла на первое место по весу в комплектовании многосторонних боевых групп СПР — 13,6%. Для США этот показатель составлял 12,1%, Великобритании — 11,6, Франции — менее 8, Италии — только 2,6%. Греция, а до осени 2022 г. также Португалия и Турция не выделяли наземных войск в состав СПР (см. табл. 4, 5).

⁷⁵ NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet. NATO. February 2022. URL: https://shape.nato.int/resources/site16187/General/factsheets/2022-factsheet_efp.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

⁷⁶ NATO's military presence in the east of the Alliance. 2022. NATO...

⁷⁷ Boosting NATO's presence in the East and Southeast. 07.01.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 07.11.2022).

⁷⁸ FACT SHEET — U.S. Defense Contributions to Europe. The US Department of Defence. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 07.11.2022).

⁷⁹ TACC: учения NATO Sea Breeze в Черном море носят плановый характер. 23.07.2022. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5479670> (дата обращения: 07.11.2022).

⁸⁰ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš. 07.06.2022. Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (дата обращения: 07.11.2022).

ФРГ последовательно двигалась по пути утверждения в роли «рамочной нации» при комплектовании широкого спектра группировок НАТО, реализуя лидерские амбиции. Между тем США продолжали фоку-

сироваться на использовании войск под национальным командованием. Особую линию демонстрировала Анкара – её отход от либеральных демократий в том числе в ценностном отношении с декларирова-

Таблица 5
Состав многонациональных БТГ СПР НАТО (июнь 2022)

Государство-вкладчик/ страна размещения	Эстония	Латвия	Литва	Польша	Словакия	Венгрия	Румыния	Болгария	Всего
Державы НАТО									
США				780		130	120	135	1165
Великобритания	993 ⁸¹			129					1122
Германия			1031		284				1315
Франция	219						550		769
Иные страны–участницы НАТО из:									
<i>Северной Америки</i>									
Канада		639							639
<i>Северной Европы</i>									
Дания	217								217
Исландия	1	1	1						3
Норвегия			188						188
<i>Западной Европы</i>									
Бельгия			1				248		249
Люксембург			6						6
Нидерланды			270		125				395
<i>Южной Европы</i>									
Испания		504							504
Италия		250							250
<i>Балкан</i>									
Албания		21						30	51
Сев. Македония		9							9
Словения		42			101				143
Хорватия				4		60			64
Черногория		11							11
<i>Восточной Европы</i>									
Болгария								803	803
Венгрия						710			710
Польша		177					230		407
Румыния				120					120
Словакия		152							152
Чехия		81	135		133				349
Всего	1430	1887	1632	1033	643	900	1148	968	9641

Источник: составлено автором по данным NATO's Forward Presence, June 2022. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

⁸¹ Выделены показатели для «рамочного государства» в случае каждой боевой группы.

нием принципов неоосманизма и пантюркизма [Шлыкков 2020: 114–120].

Весной–осенью 2022 г. принятие функций «рамочной нации» и участие в комплектовании многосторонних боевых групп СПР окончательно превратилось в военно-имиджевый атрибут для ведущих стран–участниц НАТО, учитывая рост внимания к СПР в целом. В рамках сил передового развёртывания ФРГ занимала второе место по вносимому вкладу, но примерно с кратным отставанием от лидера – США с учётом двух их бригад⁸². В марте 2022 г. Франция изъявила желание стать «рамочной нацией» для БТГ в Румынии, а в октябре аналогичную роль приняла Италия для БТГ в Болгарии⁸³. В результате к ноябрю 2022 г. США принимали участие в комплектовании четырёх боевых групп, Италия – трёх, Германия, Великобритания, Франция, а также Польша – двух (см. табл. 4). Это наглядно иллюстрировало соотношение потенциалов крупнейших игроков в НАТО, сложившееся на конец 2022 года.

Параллельно с фактическим усилением боевых групп в Польше и странах Балтии⁸⁴ стартовал процесс дальнейшего усиления боевых тактических групп к югу, особенно в Словакии, Румынии и Болгарии. Такое наращивание выступало не только дополнительной мерой сдерживания России, но и средством опосредованного давления на Сербию, которая не проявляла готовности присоединиться к рестриктивным мерам в отношении Москвы.

В конце 2010-х – начале 2020-х годов в Восточной Европе была в основе выстроена мощная система противодействия России. СПР представляли собой глубоко модернизированный вариант первого стратегического эшелона предшествующей «холодной войны», будучи намного более продвинутыми в плане отлаженности сотрудничества между контингентами широ-

кого круга стран–участниц НАТО. Возможности СПР, особенно учитывая возможность их оперативного дополнения СБР на важнейших направлениях, позволяют рассматривать их потенциал как достаточный не только для обороны, но и наступления.

К середине 2010-х годов для большинства стран–участниц НАТО назрела потребность в восстановительном наращивании национальных «военных машин» с приоритетным развитием сил общего назначения. Направленность данных процессов заметно корректировали США. Курс на ускоренное наращивание масштабных группировок Альянса (СПР, СБР, оперативно-тактические резервы) резко повысил уровень интегрированности ВС европейских союзников в НАТО. Сами Соединённые Штаты сохраняли свободу манёвра благодаря минимизации участия в комплектовании СБР и многосторонних СПР при мощном национальном компоненте в составе последних. Вместе с тем растущий вклад «старых» стран–участниц в деятельность НАТО создавал трудности на пути упрочения позиций США в Альянсе. Показателен пример ФРГ: она де-факто претендовала на роль «рамочного государства» в наибольшем числе многосторонних группировок и одновременно наименее активно наращивала военные расходы (в % от ВВП).

Асимметрия роста наблюдалась как между *силами быстрого развёртывания* и *силами передового развёртывания* (более раннее и масштабное усиление первых), так и в рамках СПР между северо-восточным и юго-восточным флангами. Притом до начала 2020-х годов СПР отсутствовали на скандинавском направлении ввиду борьбы за влияние на Норвегию среди западных держав, а также в Турции, что

⁸² См.: FACT SHEET – U.S. Defense Contributions to Europe... 29.06.2022...

⁸³ Italy takes command of NATO's multinational battlegroup in Bulgaria. 17.10.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_208439.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

⁸⁴ First German NATO brigade troops arrive in Lithuania. 04.09.2022. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207051.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2022).

объяснялось растущим отдалением последней от либеральных демократий.

Ротационный и многонациональный характер комплектования СБР и СБР европейскими странами-участницами сочетался с принятием ими повышенных (800 тысяч военнослужащих, или свыше 40 % от численности их ВС на июнь 2022) обязательств по резервированию войск для применения по линии НАТО.

В середине 2010-х — начале 2020-х годов наблюдалось снижение возможностей (с учётом деградации обстановки в вооружённых конфликтах, в которых Альянс играл заметную роль в урегулировании), а также готовности использовать силы НАТО вне зоны её ответственности. Это изменение отражало позицию как европейских континентальных стран-участниц (их позиция по Сирии и Ираку), так и англосаксонских государств (что продемонстрировал Афганистан). Между тем альтернати-

вы доминировавшей до этого глобализации деятельности НАТО виделись союзникам по-разному. США и Великобритания выказывали интерес к большему включению Альянса в сдерживание КНР. В свою очередь, ФРГ и Франция фокусировались на наделении ЕС расширенным потенциалом в зонах нестабильности в Азии и Африке, то есть ревизии формулы «Берлин+».

Пунктом консенсуса выступало расширение функционала НАТО — вширь (новые предметные сферы невоенного характера), а также в плане интегрирования в единое целое всех военных группировок. В первую очередь это проявлялось во взаимопроникновении СБР и СБР, которому способствует то, что на разных временных промежутках в их комплектовании участвуют одни и те же бригады, дивизии, национальные «военные машины» в целом. Таким образом, получает развитие принцип продвинутого мультилатерализма в строительстве ВС.

Список литературы

- Арзаманова Т.В. Европейская оборона: Пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 21–52. DOI: 10.31249/ape/2020.04.02.
- Бартош А.А. Что происходит в НАТО и с НАТО // Дипломатическая служба. 2020. № 1. С. 15–26. DOI: 10.33920/vne-01-2001-03.
- Васильев В.С. Англосаксонские сдерживали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10.
- Воротников В.В. Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // Современная Европа. 2019. № 7. С. 124–135. DOI: 10.15211/soveurope72019124135.
- Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931.
- Зайцев А.А., Зайцева Н.В. О воинских контингентах США и НАТО в Европе // Труды БГТУ. Серия 6: история, философия. 2020. № 1. С. 82–85.
- Истомин И.А. Блеск и нищета концепции сдерживания // Россия в глобальной политике. 2022. № 2. С. 158–164. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-158-164.
- Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // Международные процессы. 2017. № 4. С. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6.
- Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О. (2020). Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 1. С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34.
- Никитин А.И. Перспективы военно-политической интеграции в Азии. Быть ли “азиатской НАТО”? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 8. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-8-5-15.
- Никитин А.И. Усиление НАТО на восточных границах альянса и перспективы расширения НАТО на север // Ежегодник ИМИ МГИМО (У) МИД РФ. 2016. № 1. С. 34–43.
- Останков В.И. Успешное решение проблем строительства Вооружённых Сил — важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке / Под ред. Ю.Н. Балувеского. М.: ЦВСИ, 2004. С. 210–226.
- Пронько В.А. Военная стратегия после Второй мировой войны // История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарёва. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 377–496.
- Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07.

- Торкунов А.В. Международные исследования: хаос или плюрализм? // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 7–18. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.02.
- Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 114–136. DOI: 10.31249/ape/2020.04.06.
- Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06.
- Штоль В.В. НАТО: от регионального блока к глобальному доминированию // Обозреватель. 2015. № 10. С. 5–23.
- Энтина Е.Г. Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 192–208.
- Eichler J. NATO's expansion after the Cold War: geopolitics and impacts for international security (global power shift). London: Springer, 2021. 188 p.
- Fiott D. Defence industry, industrial cooperation and military mobility// The EU and NATO / Ed. by G. Lindstorm, T. Tardy. Luxembourg: EU Institute of security studies, 2019. P. 44–51.
- Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. No. 44. 12 p.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, SWP, 2018. 52 p.
- Glatz R., Kaim M. Der Wandel der amerikanischen Afghanistan-Politik // SWP-Aktuell. 2020. No. 11. 8 p. DOI: 10.18449/2019A11.
- Glatz R., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell. 2017. No. 62. 8 p.
- Major C. Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung. Berlin: SWP, 2019. 42 p.
- Major C., Swistek S. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. 2022. No. 49. 8 p. DOI: 10.18449/2022A49.
- Mauil H.M. Multilateralism. Variants, potential, constraints and conditions for success // SWP-Comment. 2020. No. 9. 8 p. DOI: 10.18449/2020C09.
- Sayle T.A. Enduring Alliance: a history of NATO and the postwar global order. London: Cornell University Press, 2019. 360 p.
- Szewczyk B.M. Operational cooperation // The EU and NATO / ed. by G. Lindstorm, T. Tardy. Luxembourg: EU-Institute of security studies, 2019. P. 21–27.
- Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / Ed. by S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

NATO DEVELOPMENT BY THE EARLY 2020S

THE CASE OF MULTILATERAL MILITARY GROUPS IN THE ZONE OF RESPONSIBILITY

PHILIPP TRUNOV

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Moscow, 117997, Russia

Abstract

We can face the fact of huge military strengthening of NATO in the situation of the two confrontations. The first one is between the Euro-Atlantic community and Russian Federation, the second one is between the USA, the growing number of their partners and China. The article tries to explore the growing

of NATO's power, focusing on the case of its troops' groups, first of all multilateral. The methodical basis of the article is the theory of armed forces building. It perceives the armed forces as permanently evolving essence. The theory combines induction and deduction methods, can successfully answer the questions, which are difficult for some "big theories", also in the situation when the predicting the world order is rather problematic. The author shows the evolution of multilateralism (from non-advanced to advanced) in the sphere of creation of common military groups by member states on the example of NATO. The change in the degree of European continental member countries "military machines" integration in NATO is presented as well as the perception of the tendency by the USA. In its activity the Alliance turns around 150 degrees. The new old key tasks are the deterrence of Russia and also containment of China. It means that the real challenges which are the risks of instability now are purely secondary tasks. The article covers the process of NATO Response Force (as the key element of power) strengthening, also the creation of Forward Presence Force in Eastern Europe. The scientific paper stresses that the decisions of Madrid summit (2022) are aimed at not only growing of NATO's military potential, but also the ultimate integration of all types of military groups into a single whole. In this regard the factor of Russian special military operation in Ukraine has become the occasion, but not the reason of carefully planned and consistently implemented process of the return to the Alliance the role of the enormous collective power bearer for the Euro-Atlantic community.

Keywords:

North Atlantic Alliance; armed forces building; multilateralism; Western powers; NATO Response Force; Forward Presence Force; deterrence; Russia; China.

References

- Arzamanova T.V. (2020). Evropejskaja oborona: Pazl so mnogimi neizvestnymi [European Defence: a puzzle with many unknowns]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 21–52.
- Bartosh A.A. (2020). Chto proishodit v NATO i s NATO [What is happening in NATO and with NATO]. *Diplomaticheskaya sluzhba*. No. 1. P. 15–26.
- Chernega V.N. (2020). Podhody k sozdaniyu "evropejskoj oborony" vo Frantsii [Various approaches to building of European Defence in France]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 114–136.
- Danilov D.A. (2021). Global'nye gorizonty atlanticheskogo al'jansa: "vaccina" Bajdena [Global Horizons of the Atlantic Alliance: the Biden "Vaccine"]. *Sovremennaya Evropa*. No. 5. P. 19–31.
- Eichler J. (2021). *NATO's expansion after the Cold War: geopolitics and impacts for international security (global power shift)*. London: Springer. 188 p.
- Entina E.G. (2018). Evro-atlanticheskaja integratsiya respublik byvshej Jugoslavii i rossijskij faktor [Euro-Atlantic integration of the post-Yugoslav republics and the Russian factor]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 1. P. 192–208.
- Fiott D. (2019). Defence industry, industrial cooperation and military mobility. In: Lindstorm G., Tardy T. (eds) *The EU and NATO*. Luxembourg: EU Institute of security studies. P. 44–51.
- Fleckenstein B. (1990). *Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten*. SOWI-Arbeitspapier. No. 44. 12 S.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018). Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: *German Institute for International and Security Affairs, SWP*. 52 p.
- Glatz R., Kaim M. (2020). Der Wandel der amerikanischen Afghanistan-Politik. *SWP-Aktuell*. 2020. No. 11. 8 S.
- Glatz R., Zapfe M. (2017). Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*. No. 62. 8 S.
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sushentsov A.A., Rebro O. (2020). Logika evoljutsii NATO: dostizhenija i perspektivy [Patterns of NATO evolution: achievements and prospects]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 1. P. 26–34.
- Istomin I.A. (2017). Sovremennaja zapadnaja teorija voenno-politicheskikh al'jansov dostizhenija i lakuny [Western theory of international military alliances the state of the discipline]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 4. P. 93–114.
- Istomin I.A. (2022). Blesk i nishheta koncepcii sderzhivaniya [Glitter and poverty containment concept]. *Rossija v global'noj politike*. No. 2. P. 158–164.
- Major C. (2019). *Die Rolle der NATO für Europas Verteidigung*. Berlin: SWP. 42 S.
- Major C., Swistek S. (2022). Die NATO nach dem Gipfel von Madrid. *SWP-Aktuell*. No. 49. 8 S.
- Maull H.M. (2020). Multilateralism. Variants, potential, constraints and conditions for success. *SWP-Comment*. 2020. No. 9. 8 p.

- Nikitin A.I. (2022). Perspektivy voenno-politicheskoy integracii v Azii. Byt' li "aziatskoj NATO"? [Prospects for military-political integration in Asia. Is an "Asian NATO" feasible?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 8. P. 5–15.
- Nikitin A.I. (2016). Usilenie NATO na vostochnyh granicah al'jansa i perspektivy rasshireniya NATO na sever [The reinforcement of NATO at the eastern borders of the alliance and prospects for its expansion northward]. *Ezhegodnik IMI MGIMO (U) MID RF*. No. 1. P. 33–43.
- Ostankov V.I. (2004). Uspeshnoe reshenie problem stroitel'stva Vooruzhennyh Sil – vazhnejshee uslovie obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Successful solution of the problems of the Armed Forces building is the most important condition for ensuring national security]. In: Baluevskij Ju.N. (ed.) *Voennaja bezopasnost' Rossijskoj Federacii v XXI veke*. Moscow: CVSI, 2004 (In Russian).
- Pron'ko V.A. (2000). Voennaya strategiya posle Vtoroj mirovoj vojny [The military strategy after World War II]. In: Zolotareva V.A. (ed.) *Istoriya voennoj strategii Rossii*. Moscow: Kuchkovo pole, Poligrafresursy. P. 377–496.
- Sayle T.A. (2019). *Enduring Alliance: a history of NATO and the postwar global order*. London: Cornell University Press. 360 p.
- Shlykov P.V. (2020). Mezhdz SShA, Evropoj i Evraziej: transformacija vneshnepoliticheskikh prioritetov Turcii [Between the US, the EU and Eurasia: transformation of foreign policy priorities of Turkey]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No 1. P. 110–135.
- Sidorov A.S. (2020). "Evropejskaya oborona" cherez prizmu francuzskih interesov i vozmozhnostej [European Defence through the prism of France's interests and capabilities]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 137–169.
- Stol' V.V. (2015). NATO: ot regional'nogo bloka k global'nomu dominirovaniju [NATO: from a regional bloc to global dominance]. *Obozrevatel'*. No. 10. P. 5–23.
- Szewczyk B.M. (2019). Operational cooperation // Lindstorm G., Tardy T. (eds) *The EU and NATO*. Luxemburg: EU Institute of security studies. P. 21–27.
- Torkunov A.V. (2019). Mezhdunarodnye issledovanija: haos ili pljuralizm? [International studies: chaos or pluralism?]. *Polis. Politicheskije issledovanija*. No. 5. P. 7–18.
- Varwick J. (2007). Nordatlantische Allianz. In: Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. (Hrsg.) *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH. S. 763–778.
- Vasiliev V.S. (2022). Anglosaksonskie skrizhali narastayushhego global'nogo civilizacionnogo protivostojaniya [Anglo-saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations]. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 4. P. 234–257.
- Vorotnikov V.V. (2019). Evroatlanticheskaya integratsiya stran Baltii: nekotorye itogi [Euro-Atlantic integration of the Baltic states: some results]. *Sovremennaja Evropa*. No. 7. P. 124–135.
- Zaytsev A.A., Zaytseva N.V. (2020). O voinskih kontingentah SShA i NATO v Evrope [About US and NATO military contingents in Europe]. *Trudy BGTU. Seriya 6: istoriya, filosofiya*. No. 1. P. 82–85.